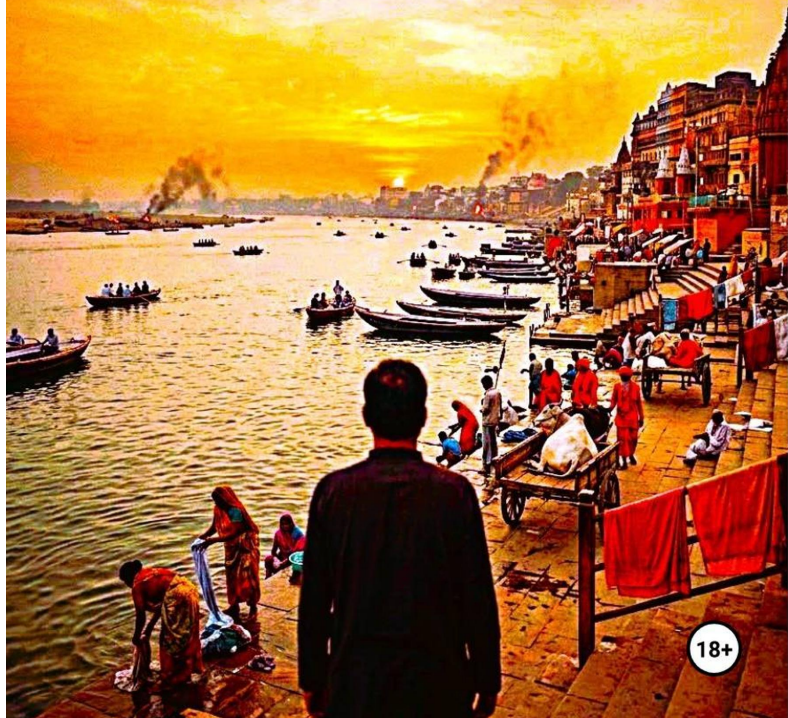

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

АРМ КОСТА

18+

Арм Коста

Цена бессмертия

<https://litres.ru/74633553>

SelfPub; 2026

Аннотация

Доктор Адитья Рао, биохимик из Бангалора, в 2041 году создал сыворотку бессмертия, чтобы спасти умирающую жену. Жена отказалась. Жена умерла. Он — нет.

Сто семь лет. Сорок шесть из них он не стареет, не болеет, не может умереть. И каждую ночь пишет в тетради одну и ту же фразу: «Я не должен был побеждать смерть». Каждое утро он её забывает. Каждую ночь начинает снова.

Он ищет лекарство от собственного бессмертия. В Варанаси, у погребальных костров. В Гималаях, в пещере человека, проклятого три тысячи лет назад. В Кайлаше, где нет ни бога, ни ответа.

Всю дорогу его сопровождает нищий, попутчик, человек без имени, который умер и вернулся. Он приходит каждую ночь. Он читает то, что Адитья пишет. Он не прощает. Он не утешает. Он просто говорит: «Ты виноват. И это неважно».

Роман о том, что смерть — не ошибка и не враг. О том, что бессмертие — не дар, а тюрьма. И о том, что простить себя — труднее, чем победить смерть.

Арм Коста

Цена бессмертия

Глава 1. Амрита

Бангалор, 2087 год

Лаборатория пряталась под храмом Шивы — в подвале, где воздух был густ от сырости, меди и сандала. Каждое утро Адитья спускался сюда по каменным ступеням, которым было триста лет. Края ступеней стёрлись в полукруглые впадины — след тысяч ног. Босых, в сандалиях, в ботинках, снова босых. Адитья не знал, кто ходил по ним до него. Знал только, что сам ходит здесь сорок шесть лет.

Сорок шесть лет. Он однажды посчитал — и больше не считал. Время давно перестало быть рекой. Оно стало стоячей водой: тяжёлой, неподвижной, в которой его отражение принадлежало кому-то другому.

Он родился в 1980 году в Майсуре. Ему было сто семь лет. Он выглядел на сорок пять.

Адитья щёлкнул выключателем. Лампы загудели, заморгали, залили подвал холодным белым светом. Стены были увешаны схемами: геномы, белковые цепочки, формулы — писал и стирал, писал и стирал. Это был его способ молиться. Выводить линии и стирать их, словно можно было стереть и саму мысль о бессмертии.

В углу стояла старая центрифуга — ещё из двадцатых. Он

не менял её из суеверия: будто если убрать единственную вещь, которая не менялась, изменится и всё остальное. Рядом — холодильник с образцами. Сотни ампул. Каждая — версия. Каждая — провал.

Он снял куртку, повесил на спинку стула. На столе лежала ампула. Жидкость внутри была цвета старого золота — тёмная, густая, с лёгким свечением по краям. «Мритью-1». Первая версия лекарства от бессмертия.

Он сам придумал название. «Мритью» — смерть на санскрите. В его жизни давно не было ничего, кроме имён для смерти: «Амрита» — бессмертие, «Мритью» — смерть, «Кальпа» — время... Он давал имена тому, что не мог понять. Как будто имя могло сделать вещь ручной.

Адитья взял ампулу. Стекло было холодным. Он подержал её в ладони, согревая. Кожа не покрылась мурашками, не покраснела. Просто приняла температуру — как будто не умела чувствовать. Он вздохнул.

— Ты уверен? — спросил голос из динамика.

Кавита. Ассистентка. Двадцать девять лет. Умная. Идеалистичная. Она думала, что он гений. Он не стал разубеждать: спорить с её верой — всё равно что спорить с рассветом. Бесполезно и немного жестоко.

— Нет, — сказал Адитья. — Но это никогда не мешало.

Он набрал сыворотку в шприц. Игла блеснула. Он посмотрел на вену — на левой руке, у локтя. Кожа гладкая. Без морщин. Без следов. Без истории. Он ненавидел эту кожу: она

не помнила ничего.

Игла вошла легко. Он нажал поршень.

Сначала ничего. Потом кровь стала горячей — словно кто-то поднёс к ней пламя изнутри. Не обжигающее, а чужое. Как если бы в кровь вливали чужую память. Сердце сбилось — споткнулось на ровном месте, как человек, который вдруг вспомнил что-то страшное. Дыхание перехватило. Комната поплыла. Стены дрогнули и сложились в знакомый силуэт.

Мира стояла у окна их старого дома в Майсуре. Держала чашку чая. Смотрела на него с выражением, которое он так и не научился расшифровывать: любовь пополам с усталостью.

— Адитья, — сказала она. — Ты опять.

Он закрыл глаза. Открыл. Мира исчезла. Сердце снова билось ровно. Слишком ровно. Как метроном, который отсчитывает секунды, не спрашивая, нужны ли они.

Кавита не сводила глаз с мониторов в соседней комнате. Экран мигал, цифры бежали вверх.

— Регенерация не остановилась, — сказала она тихо. — Даже не замедлилась. Простите.

Адитья кивнул. Он уже знал. Он всегда знал. Бессмертие — не болезнь. Это привычка тела. Тело не хочет умирать. Оно цепляется за жизнь с упорством, достойным лучшего применения — например, любви. Или страха. Или хотя бы памяти.

Он вынул иглу, прижал ватку к вене. Кровь остановилась мгновенно. Он посмотрел на ватку — ни капли, ни пятныш-

ка. Как будто тело не хотело помнить даже эту крошечную боль. Тело работало быстрее, чем он успевал думать.

Адитья сел на стул. Кавита подошла, хотела что-то сказать. Он поднял руку.

— Не надо. Я знаю.

— Что вы знаете?

— Что не получилось. Что не получится. Что я снова потратил месяц.

Кавита молчала. Она была хорошая. Не говорила пустых слов. Просто стояла рядом.

Он встал, подошёл к столу у стены. Там лежала стопка чистых тетрадей. Он покупал их каждую неделю, иногда каждый день. Не помнил, куда девались старые. Не помнил, что писал в них. Помнил только, что должен писать.

Он взял первую тетрадь. Открыл. Первая страница была белая.

Ручка была тяжёлой, металлической. Он купил её в Варанаши, у торговца на берегу Ганги. Торговец сказал: «Эта ручка помнит всё, что вы напишете». Адитья усмехнулся про себя: ему бы такую память. Но ручку купил — в её тяжести было что-то честное. Она хотя бы не притворялась, что может удержать время.

Он вывел:

«Я не должен был побеждать смерть».

Фраза легла на бумагу ровно. Буквы стояли прямо, будто не знали, сколько раз они уже это делали. Он писал её тысячи

раз. Не помнил ни одного.

Он подумал и добавил:

«Книга первая. Амрита».

Он не знал, что за этот год это уже не первая книга. Не знал, что завтра забудет и эту.

Он начал писать:

«Меня зовут Адитья Рао. Я родился в 1980 году в Майсуре. Мне сто семь лет. Я выгляжу на сорок пять. Я создал сыворотку бессмертия. Я не хотел. Я хотел спасти жену. Она умерла. Я — нет. Я не могу умереть. Тело не даёт. Я ищу лекарство от бессмертия. Я не знаю, найду ли. Я не знаю, хочу ли. Я знаю только, что должен писать. Потому что если я не буду писать, я забуду. А если я забуду, я умру. Но я не умру. Я буду жить. И забывать. И писать. Вечно».

Он остановился. Буквы расплывались. Он протёр глаза. Не плакал. Давно не плакал. Просто устал.

Кавита подошла, положила руку ему на плечо.

— Доктор. Идите домой. Отдохните.

— Я не устал.

— Вы устали. Вы просто не чувствуете.

Он посмотрел на неё. Она была молодая. Тёмные длинные волосы, глаза, которые ещё верили в науку. Он завидовал ей. Он тоже когда-то верил.

— Кавита. Ты знаешь, что такое амрита?

— Напиток бессмертия. Из пуран.

— Да. Боги пили его, чтобы не умирать. Но знаешь, что

они забыли?

— Что?

— Что бессмертие — это не жизнь. Это отсутствие смерти. И иногда — отсутствие жизни тоже.

Кавита молчала. Она не понимала. Думала, что он говорит метафорами. Он говорил буквально.

Он встал, закрыл тетрадь, положил её на стол, взял куртку и пошёл к лестнице. На полпути обернулся.

— Завтра я начну «Мрителью-2». Это будет не то же самое. Это будет хуже.

— Почему хуже?

— Потому что я буду ближе.

Он поднялся по ступеням и вышел из храма.

Бангалор встретил его шумом, жарой и запахом жасмина. Было утро. Люди шли на работу. Дети играли. Собака спала на тротуаре. Мир жил — привычно и уверенно.

Адитья шёл домой и думал о Море. О её руках. О её смехе. О том, как она говорила: «Смерть — это не ошибка, Адитья. Это условие». Он не понимал её тогда. Понял теперь. Но было поздно.

Дома было тихо. Пусто. Он жил один сорок шесть лет.

Он снял куртку, сел на диван, посмотрел в стену. Потом встал, подошёл к столу, открыл ящик. Там лежала ещё одна тетрадь. Чистая.

Он взял её, открыл. Первая страница была белая — такая безупречно чистая, что на ней почти страшно было писать.

Как будто, поставив первую букву, он нарушал тишину, которую и так уже слишком часто нарушал.

Взял ручку. Вывел:

«Я не должен был побеждать смерть».

Он не помнил, что писал это сегодня. Не помнил, что писал вчера...

Он сидел и смотрел на фразу. Долго. Дольше, чем обычно. Потом отложил ручку. Не дописал. Не добавил ни «Книгу», ни главу, ни строчки о том, кто он и что сделал.

Просто закрыл тетрадь и убрал в ящик.

Впервые за много лет он не дописал.

Он не знал, что это значит. Не знал, заметит ли завтра. Не знал, было ли это началом конца — или началом чего-то другого.

Он лёг. Закрыл глаза. И лежал без сна долго — в темноте, один, бессмертный, — слушая, как где-то далеко, за окном, лает собака. Живая. Смертная. Настоящая...

Глава 2. Кавита

Адитья проснулся и не понял, где находится.

Это случалось всё чаще: он открывал глаза и несколько секунд не знал ни города, ни года, ни собственного имени. Потом память возвращалась — рывком, как поезд, который догоняет платформу. Бангалор. Две тысячи восемьдесят седьмой. Адитья Рао. Сто семь лет.

Он повернул голову. На тумбочке лежала тетрадь. Открытая. Он не помнил, как её открывал. Не помнил, как ложил-

ся спать.

Он взял тетрадь. На первой странице:

«Я не должен был побеждать смерть».

Почерк был его. Буквы ровные, уверенные — словно писал человек, который ещё верил, что контролирует себя. Он перевернул страницу. Там было ещё. Читал медленно, как чужой текст:

«Меня зовут Адитья Рао. Я родился в 1980 году в Майсуре. Мне сто семь лет. Я выгляжу на сорок пять. Я создал сыворотку бессмертия. Я не хотел. Я хотел спасти жену. Она умерла. Я — нет».

Он остановился. Прочитал дважды. Закрыв тетрадь, положил обратно на тумбочку.

Он не помнил, что писал это. Но знал, что это правда.

В лабораторию он спустился к десяти. Каменные ступени были холодные — холод пробирался сквозь тонкую подошву тапочек. Пахло сандалом и медью. Запах, который когда-то успокаивал, теперь оседал на коже, как чужая пыль.

Кавита уже была там. Сидела за столом, склонившись над монитором, что-то записывала в блокнот. Подняла голову.

— Доброе утро, доктор.

— Доброе.

Он снял куртку, повесил на спинку стула. Рука чуть дрогнула — мелкая, почти незаметная неточность, которую он тут же подавил. Подошёл к столу с ампулами. Вчерашняя — «Мрителью-1» — лежала на прежнем месте. Он посмотрел на

неё и не почувствовал ничего. Или почувствовал слишком много, чтобы назвать это чувством.

— Я прогнала анализы, — сказала Кавита.

Она встала. Белый халат, планшет в руках. Волосы собраны в хвост, прядь выбилась и прилипла к щеке.

— И?

— Идите сюда.

Он подошёл. Она развернула монитор. На экране — три линии: спускаются вниз, потом резкий подъём.

— Теломеразная активность, — сказала она. — Вот здесь — до введения. Здесь — через час. Здесь — через сутки.

— Она выросла.

— Удвоилась. Потом утроилась. Доктор, ваши теломеры не просто перестали укорачиваться. Они начали удлиняться. Активно. Ваше тело не остановило старение. Оно пошло в обратную сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.